
Научная статья / Research Article

УДК 94 (47)

DOI: 10.36718/2500-1825-2025-4-228-245

Татьяна Кимовна Махрова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

lotto@list.ru

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА)

Целью исследования является изучение особенностей традиционного хозяйственного уклада оренбургского казачества, обусловленности этих особенностей характером казачьей службы, возможностями ресурсного обеспечения казачьего хозяйства и приспособления его к условиям рыночной экономики. Хронологические и территориальные рамки исследования определены периодом размещения в Оренбургском крае во второй половине XVIII – начале XX в. Оренбургского казачьего войска, признанного вторым по старшинству и третьим по численности среди 12 казачьих войск Российской империи. В ходе решения поставленных задач применялись методы конкретно-исторического исследования на основе анализа, обобщения, сравнения материалов центральных и местных архивов, источников законодательного и статистического характера. Обращение к историографическим работам (Н.А. Чернощекова, Л.А. Селивановской, Л.И. Футорянского, С.А. Девяткина, Е.В. Годовой и др.) позволило исследовать институты землеустройства и землепользования на территории Оренбургского казачьего войска в контексте сравнения общих и особенных социально-экономических процессов, их правового регулирования в исторических казачьих войсках. Сочетание военизированной службы с хозяйствованием на земле составляло специфику сословного статуса российского казачества. Совмещение обязанностей государственной службы с самообеспечением делало казачьи войска относительно дешевыми, но малоэффективными в хозяйственном отношении. Изучение опыта освоения земельных ресурсов в Оренбургском казачьем войске позволяет сделать выводы о вариативности статуса «казачьей» земли, как на практике, так и в законодательном его оформлении. В условиях пересмотра функций казачества, разрушения его сословной замкнутости, сокращения земельных запасов, развития рыночных отношений это порождало конфликты, препятствовало эффективному использованию земельных ресурсов и конкурентоспособности казачьего хозяйства. Закрепление надельного уравнительного порядка землепользования и специфических сословных повинностей для рядовых казаков, особых земельных прав для войсковых офицеров и чиновников, отказ от индивидуализации казачьего землевладения в ходе столыпинских реформ приводили к экономическому упадку и социальному расслоению казачьих общин.

Ключевые слова: казачьи войска Российской империи, Оренбургское казачье войско, казачье хозяйство, землеустройство, землепользование

Для цитирования: Махрова Т.К. Землеустройство и землепользование казачьих войск Российской империи в конце XVIII – начале XX века (по материалам Оренбургского казачьего войска) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 228–245. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-4-228-245.

Tatiana Kimovna Makhrova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

lotto@list.ru

**LAND MANAGEMENT AND LAND USE OF THE RUSSIAN EMPIRE COSSACK
HOSTS AT THE LATE XVIII – EARLY XX CENTURY
(BASED ON THE ORENBURG COSSACK HOST MATERIALS)**

The aim of this study is to examine the characteristics of the traditional economic structure of the Orenburg Cossacks, revealing how these characteristics are determined by the nature of Cossack service, the resources available to the Cossack economy, and its adaptation to the conditions of a market economy. The chronological and territorial scope of the study is defined by the period of the deployment of the Orenburg Cossack Host in the Orenburg Region from the second half of the 18th to the early 20th centuries. The Host was recognized as the second most senior and third most numerous of the 12 Cossack Hosts of the Russian Empire. To address these objectives, specific historical research methods were employed, based on the analysis, synthesis, and comparison of materials from central and local archives, as well as legislative and statistical sources. A review of historiographic works (by N.A. Chernoshchekov, L.A. Selivanovskaya, L.I. Futoryansky, S.A. Devyatkin, E.V. Godovova, and others) allowed us to examine land management and land tenure institutions within the Orenburg Cossack Host in the context of comparing general and specific socioeconomic processes and their legal regulation within historical Cossack hosts. The combination of paramilitary service and land management constituted a distinctive feature of the class status of the Russian Cossacks. Combining public service obligations with self-sufficiency made the Cossack hosts relatively inexpensive but economically ineffective. A study of the experience of land development in the Orenburg Cossack Host allows us to draw conclusions about the variability of the status of Cossack land, both in practice and in its legislative formulation. In the context of the revision of the functions of the Cossacks, the destruction of their class isolation, the reduction of land reserves, and the development of market relations, this gave rise to conflicts, hindered the effective use of land resources and the competitiveness of the Cossack economy. The consolidation of the allotment-based, equalizing system of land use and specific class-based duties for ordinary Cossacks, special land rights for military officers and officials, and the rejection of individualized Cossack land ownership during the Stolypin reforms led to economic decline and social stratification of Cossack communities.

Keywords: Cossack hosts of the Russian Empire, Orenburg Cossack Host, Cossack economy, land management, land use

For citation: Makhrova T.K. Land management and land use of the Russian empire cossack hosts at the late XVIII – early XX century (based on the Orenburg cossack host materials) // Socio-economic and humanitarian journal. 2025. № 4. P. 228–245. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2025-4-228-245.

Введение. Возрождение казачьего движения в Российской Федерации продолжается уже несколько десятилетий, стимулируя обращение к историческому опыту казачества, определению его места в структуре российского общества и государства как специфического

военно-земледельческого сословия. Во второй половине XVIII – начале XX в. земельные отношения и традиции казачьего хозяйствования, в отличие от предыдущего периода казачьей вольности, складывались в постоянном взаимодействии с государством. Государство

формировало казачьи войска и законодательные основы их функционирования, как правило, «индивидуально», издавая положение для отдельного войска (обычно для самого крупного по численности, Донского), распространяя его действие на другие казачьи войска, но учитывая при этом специфические характеристики каждого. На юго-восточных рубежах Российской империи таким государственным учреждением стало Оренбургское казачье войско.

Цель исследования – изучение особенностей традиционного хозяйственного уклада, институтов землеустройства и землепользования на территории Оренбургского казачьего войска.

Задачи: проанализировать факторы, определявшие особенности хозяйственного уклада казачества, их связь с характером казачьей службы, возможностями ресурсного обеспечения казачьего хозяйства, приспособления его к условиям рыночной экономики.

Методы. В ходе решения поставленных задач применялись методы конкретно-исторического исследования на основе анализа, обобщения материалов центральных и местных архивов, источников законодательного и статистического характера, а также сравнения исследуемых социально-экономических явлений и процессов в хронологической и территориальной проекциях.

Результаты и их обсуждение. В исследовании истории казачьих войск России изучение социально-экономических процессов всегда занимало значительное место, учитывая специфику военно-земледельческого уклада жизни сословия. Организационно-правовые основы землеустройства и землепользования на территории Оренбургского казачьего войска освещаются обзорно, часто имея хронологически обусловленный фрагментарный характер, за исключением целенаправленного изучения темы в работах таких авторов, как Н.А. Чернощев, Л.А. Девяткин, Л.А. Селивановская, Л.И. Фutoryянский, Е.В. Годовова

[1–5]. Анализ архивных документов и источников правового характера XIX – начала XX в. с обращением к историографическим материалам позволяет исследовать институты землеустройства и землепользования на территории Оренбургского казачьего войска в контексте сравнения общих и особенных социально-экономических процессов в исторических казачьих войсках Российской империи.

После основания на юго-восточных рубежах империи города Оренбурга и формирования Оренбургского нерегулярного казачьего корпуса в 1744 г. официально организация казачьего войска оформляется Указом Военной коллегии от 22 июля 1748 г. о создании Оренбургского иррегулярного войска и введении института войскового атамана. Старшинство же Оренбургского казачьего войска в 1912 г. будет признано начиная с 1574 г., т. е. отнесено к периоду начала строительства оборонительных линий и крепостей после вхождения в состав Русского государства земель Уфимской провинции, откуда на Оренбургскую пограничную линию переселялись уфимские и самарские городские казаки, положившие начало освоению Оренбургского края (так в 1796–1881 гг. называлось крупное административно-территориальное образование, включавшее в разное время, кроме Оренбургской губернии, Самарскую и Уфимскую губернии, Уральскую и Тургайскую области).

15 мая 1755 г. был утвержден штат «нерегулярных людей Оренбургской губернии», несущих гарнизонную и линейную службу. По штату для казаков устанавливалось три разряда: «жалованные» (получали постоянное жалованье от казны и были готовы к участию в военных действиях), «маложалованные» (получали жалованье только на приобретение вооружения и снаряжения, могли вести на земле собственное хозяйство и выставляли на службу не более трети своего состава), «безжалованные» (содержали себя сами за счет предоставляемых земельных угодий и выставляли на

службу не более четверти своего состава) [6, с. 76–77].

Созданное государством войско изначально государством же и снабжалось снаряжением, вооружением, провиантом, но с учетом отдаленности края от центра, плохих коммуникаций, роста численности войска содержание его для государства становилось все более обременительным. На протяжении XIX в., по мере ослабления военной функции сословия, во взаимоотношениях оренбургского казачества с государством утверждался принцип самообеспечения. Экономической основой специфического сословного признака казачества как военно-земледельческого сословия становится его связь с землей, с ее ресурсами в более широком смысле слова (пашня, выпас, покос, лес, недра и т. д.).

Земельно-правовой строй дореволюционной России складывается в период проведения генерального межевания земельного фонда, начавшегося в 1754 г. «Генеральные правила» и «Наставления землемерам» по проведению межевания более 100 лет регулировали в России земельный кадастр, составление топографических планов владений. Субъекты землевладения обязаны были документально доказывать земельные права. Круг таких субъектов расширялся после отмены в 1801 г. монопольного права дворян на землю. Нормы земельного права были пестры и разнообразны, несли на себе отпечаток длительного периода сосуществования рыночных отношений с крепостническими. К началу XX в. в Российской империи различали казенные (или государственные, находившиеся в ведомстве казны), удельные (являлись собственностью императорской фамилии), кабинетские (или дворцовые, находились под дворцами членов императорской фамилии), монастырские (или церковные, их отчуждение запрещалось), майоратные (пожалованные саванникам царем на праве потомственного владения – майората), посессионные (субъектами права собственности были владельцы посессионных заводов, право собственности ограничивалось условия-

ми, вытекающими из назначения горно-заводской деятельности), частновладельческие (субъектами права собственности были частные лица) и общественные земли. Правовой режим последних четко не был разработан, субъектами права собственности могли быть города и городские общества, дворянские общества, общества сельских обывателей, земства и земские учреждения. Отсутствовало четкое определение того, что понимать под общественными землями [7, с. 62–69]. Условия этого режима в целом применимы и к казачьему войсковому землепользованию, но с учетом ряда особенностей, связанных с местом казачества в структуре Российского государства, а также с историей формирования и развития каждого из 11 крупных казачьих войск Российской империи.

В ходе освоения Оренбургского края империи земельные отношения изначально не получили четкого законодательного оформления. Оренбургский пограничный край еще долго прирастал территориально и формировал свои границы. В периодизации землеустроительной истории Оренбургского казачьего войска, предложенной Н.А. Чернощеквым [1, с. 228], начало процесса отнесено к «первоначальному водворению русских в Оренбургском крае». Первый период в этой классификации – 1552–1755 гг. – от покорения Казани до образования Оренбургского казачьего войска. Во второй половине XVIII в. «маложалованные» и «безжалованные» оренбургские казаки наделялись землей для ведения собственного хозяйства. Наделение производилось по частным распоряжениям начальников края на основании Высочайших повелений как в рамках мероприятий по заселению территории, так и за «разные заслуги во время башкирских бунтов» [6, с. 72, 73]. Так, Указом от 20.08.1793 г. казакам предписывалось строить крепости в удобных местах – «чтобы довольно было воды, и в близости леса и луга, и удобные земли к пашне» [8]. В отдельных случаях правительственные указы определяли условия пользования («вечно безоборочно») и

размер земельного участка: он мог колебаться в пределах от 20 до 200 четвертей на семью при соответствии величины 1 четверти 1,5 десятинам [9, с. 99, 100]. При переселении на Оренбургскую линию казачьих отрядов земля обычно отводилась всей общине в радиусе 10–15 верст вокруг крепости, каждый произвольно выбирал посильный для обработки участок. Владение «заимкой» могло стать и потомственным, хотя права общины признавались, например, при делении общинной земли на пахотную, пастбищную и сенокосную; споры возникали лишь из-за наиболее ценных и ограниченных по количеству земель (например, заливных лугов) [10, с. 26, 27]. Положение «Об устройстве Оренбургского казачьего войска и о штатах онаго» от 8 июня 1803 г. уточняло штаты и подчиняло войско оренбургскому военному губернатору и войсковой канцелярии, но не вносило ясности в части землеустройства.

С начала XIX в. в практику входит регламентация минимального размера казачьего душевого надела. Но официальное закрепление нормы надела с учетом назначения земли и конкретных условий службы происходило в разное время для отдельных казачьих войск: в 1815 г. – для забайкальских городовых казаков, в 1822 г. – для сибирских, в 1835 г. – для донских [11, 12]. «Положение об управлении Войска Донского» 1835 г. зафиксировало существование особого военного казачьего сословия с определенными привилегиями и правами и регламентировало норму наделения станичного юрта землей из расчета 30 дес. на казака с 16 лет и 30 запасных пав. Оно и стало образцом для принятия аналогичных нормативных актов в отношении других казачьих войск. Для оренбургских казаков душевой 30-десятинный надел устанавливался «Положением об Оренбургском казачьем войске» 1840 г. как исходный при расчете количества земли для каждого из образованных 10 полковых округов [13].

Период «усиленной правительственной колонизации», по классификации Н.А. Чернощекова, ограничивается временем издания одного из наиболее важных в истории войска документов – «Положения об Оренбургском казачьем войске» от 12 декабря 1840 г. До 1840 г. Оренбургское казачье войско не имело сплошной территории в составе губернии. Войсковая территория формировалась за счет периодической прирезки участков земли. Самый крупный участок – Новолинейный район площадью более 10 тыс. кв. верст – войско получило в 1830-е гг. после проведения пограничной линии напрямую от Орской до Троицкой крепости [14, с. 26]. К 1840 г. казаки имели до 2 млн десятин земли, разбросанной в разных уездах Оренбургской губернии. По определению С.А. Девяткина, складывался «казачий район из вольных и правительственных заимок башкирских и киргизских земель по мере возникновения здесь казачьих поселений и возведения правительством крепостей и редутов» [2, с. 118].

Относительное многоземелье в первой половине XIX в. еще позволяло сохранять вольное «заимочное» землепользование, но такие «заимки» нередко сопровождались конфликтами между переселенцами и местным населением приграничных территорий. Из-за неупорядоченности земельных отношений губернские казенные палаты могли перераспределить казачьи земли «во владение других сословий», допускали самовольное поселение на них государственных крестьян. Границы земельных владений были частично упорядочены при проведении начавшегося в Оренбургском крае в 1798 г. межевания башкирских земель, которые предусматривали наделение 15 десятин земли на душу мужского пола для различных категорий крестьян, сохранение фонда казенных угодий и соблюдение вотчинного права башкир на землю, но без указания конкретной нормы их надела. По Высочайшему указу от 10 апреля 1832 г. «О правах башкирцев на принадлежащие им земли в Орен-

бургском крае» башкиры признавались владельцами всех бесспорно принадлежащих им земель (около 4 млн дес.) с нормой душевого надела 40 дес., действовавший с 1818 г. запрет на продажу этих земель отменялся, за исключением земель из обязательного запаса. Поселявшиеся на башкирских землях припущенники – мещеры, тептяри и бобыли, как «занимающиеся более скотоводством и несущие казачью службу», – получали 30-десятинный душевой надел, а «татары, казенные, удельные и прочие поселяне казенного ведомства» – 15 дес. на душу [15]. Во второй половине столетия, с обострением проблем земельного обеспечения, предполагался дифференцированный подход к наделению земель на территориях «многоземельных» и «малоземельных»: если при нарезке выяснялось, что душевая норма для башкир-вотчинников оказывалась менее 40 дес., поселенцам гражданским норма урезалась, а после того, как «военные припущенники» (тептяри, мишари, бобыли) в 1863 г. переводились из казачьего в гражданское сословие, из части их наделов предполагалось создать фонд запасных земель [16, с. 23].

Со стороны «дикого поля» земельные споры возникали из-за мест казахских кочевий и зимовок, так как правовое регулирование земельных отношений на границе со степью фактически отсутствовало. Эти споры затянулись до начала XX в., правительство не желало обострять противоречий на окраинах империи, предпочитая признавать степные земли «не состоящими в казенном управлении», лишь в 1898 г., после почти 20-летнего обсуждения проблемы, казахам, кочевавшим в Новолинейном районе, был сделан отвод почти в 1 млн десятин земли. Однако и после отвода вопрос «о праве киргизском и казачьем на землю» обсуждался в Государственной думе [17].

При обсуждении проекта «Положения об Оренбургском казачьем войске» 1840 г. в Государственном Совете было высказано мнение о том, что предоставлявшиеся войску земли долж-

ны оставаться принадлежащими казне, так как они «могут понадобиться для наделения переселенцев из малоземельных внутренних районов», а «поселения казаков полезнее иметь на линии, а не внутри губернии» [1, с. 239]. В итоге за войском все же была закреплена «в вечное пользование» сплошная территория общей площадью 7 885 378 десятин [18, с. 112]. На территории оказалось 372 населенных пункта – от станицы Нижнеозерной полосой вдоль границы со степью до станиц Озерной, Звериноголовской и редута Алабутского, от станиц Кольской и Кичигинской на севере до станиц Воздвиженской на юге [19, л. 2–10]. Все земли обращались в казачьи без вознаграждения (за исключением земель во владении башкир и мещеряков), населению предписывалось добровольное зачисление в казачье сословие или переселение в другие места. В 1842 г. земли внутренних линий, оставшиеся «свободными от пользования», были переданы в распоряжение Министерства государственных имуществ. Таких земель оказалось 716 762 десятин – в станицах 3-го, 4-го и 5-го кантонов (Табынской, Ельдяцкой, Нагайбакской, Уфимской, Новосергиевской, Сорочинской, Тощкой, Бузулуцкой, Борской, Мочинской, Алексеевской и др.). Из почти 8 млн десятин «сплошной территории» исключались также «комендантские дачи, городские земли и выгоны, дороги для прогона скота, солевозные дороги, дачи и угодья ведомства соляного промысла Илецкой защиты, доступы ордынцам к меновым дворам при г. Оренбурге и на линии, военно-губернаторские луга за р. Урал, земли церковные, священно- и церковнослужителей, земли владельческие и заводские».

Наличие исключений создавало проблемы при межевании земель. Кроме того, освоение территории требовало постоянного притока людей. Оренбургское казачье войско складывалось и расширялось за счет разнообразных этнических и сословных групп населения, переселявшихся с зачислением в казачье сословие из разных районов страны и приносив-

ших на новое место жительства свои традиции и хозяйственный опыт. Генеральное межевание, начавшееся в Оренбургской губернии с 1798 г. и предполагавшееся Сенатом к завершению в начале 1830-х гг., затянулось до 1869 г. На казачьей территории межевые работы стали возможны лишь после закрепления за войском определенной земельной площади, утверждения в 1854 г. должности войскового землемера и в основном проводились после издания в 1862 г. «Положения о размежевании земель Оренбургского казачьего войска» силами войсковой межевой комиссии, а с 1867 г. – межевого отделения Войскового хозяйственного правления. В его штате, содержавшемся за счет войскового капитала, состояли 8 старших и 6 младших землемеров, выделялись средства на наем 14 землемерных помощников и 6 землемерных учеников (1877 г.). На должности войскового землемера требовалось образование – курс Николаевской академии генштаба или межевого института [20, с. 182–184].

Период с 1840 г. и до начала 1860-х, по мнению войсковых историкографов, стали «лучшими для... полного развития и устройства Оренбургского казачьего войска как особого военного сословия» [1, с. 230], к началу 1870-х войско стало одним из крупнейших по численности в России. С точки зрения развития правового регулирования земельных отношений не менее значимым следует признать четвертый период, начало которого Н.А. Чернощевков относит к 1861 г., а содержание его определяет как «постепенное сближение казаков с прочим населением России». Это сближение стало неизбежным как начало объективного по существу и связанного с ростом социальной мобильности процесса, уже тогда характеризовавшегося как «расказачивание». Шаги правительства в этом направлении проявились достаточно явно в 1860-е гг.: на войсковой территории иногородним разрешили торговлю (1861 г.), в том числе стационарную виноторговлю (1862 г.), поселение и при-

обретение недвижимости (1868 г.), предоставлено право зачисления в казачье сословие и выхода из него (1869 г.). Установленный для нижних чинов 30-летний срок службы полевой и внутренней был снижен в 1866 г. до 15 и 7 лет соответственно, а с введением всеобщей воинской повинности в 1875 г. – до 20 лет.

Именно в 1860–1870-е гг. внимание к правильному землеустройству становится в войске особенно заметным. Нормативное регулирование различных сторон жизни казачьих общин в течение всего XIX в. и особенно во второй его половине было связано с ростом и изменением структуры населения войсковых территорий, уменьшением земельного запаса, сокращением потребностей государства в выполнении казаками военных функций при одновременном его стремлении сохранить сословие как надежную опору власти. Земельный вопрос при решении всех возникающих в связи с этим проблем становился главным, его правовая регламентация была определена документами 1869 и 1875 гг., закрепившими переход к душевому уравнительному порядку землепользования рядовых казаков и особые земельные права войскового офицерского корпуса и войсковых чиновников. Кроме того, правительство посчитало необходимым учесть при обеспечении казаков землей качественные ее различия, подготовив в 1877 г. закон о таксации земель, предписавший отвод юртовых наделов с учетом деления земель на категории.

В «Положении о поземельном устройстве станиц казачьих войск» от 21 апреля 1869 г. вопрос о праве собственности на землю разъяснялся следующим образом: «Земли, отведенные станицам, состоят в общинном владении общества каждой станицы. Никакая часть земли и никакие угодья, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо личную собственность... Собственником земли является само войско (т. е. не государство и не община, а войско как

корпорация. – Автор). Земля пожалована не станице, а всему войску. Право собственности не может принадлежать станицам, которые пользуются землей только на правах владения. Станичные общества не только не имеют права уступать кому-либо в частную собственность какую-либо часть отведенной им земли, но и распоряжаться по своему усмотрению даже хозяйственными статьями станицы. Их предложения по этому предмету утверждаются Войсковым хозяйственным правлением. Войсковое хозяйственное правление контролирует право общественного владения и соединенное с ним право пользования землей» [21, с. 29–31].

«Положение...» предусматривало распределение войскового земельного фонда на 3 части: юртовые наделы (для наделения лиц войскового сословия равными паями), офицерские и чиновничьи участки, земли войскового запаса. Станичный юрт наделялся землей из расчета 30 десятин удобной земли (24 десятины пашни и 6 десятин луга) на каждую мужскую душу войскового сословия с 17-летнего возраста, в том числе на генералов, офицеров и чиновников, а также по 300 десятин на каждую имевшуюся в станице церковь, как православную, так и иноверческую. 27 февраля 1892 г. потребовалось специальное разъяснение Военного Совета о том, что церковный 300-дещинный надел может быть уменьшен или увеличен сообразно качеству и положению отводимого участка [22, с. 387]. Священно- и церковнослужители станичных церквей наделялись землей в размере от 1 до 4 казачьих паев.

К концу XIX в. юртовые наделы в войске составляли 71 %, офицерские потомственные участки – 22,6, войсковой запас – 22,6 % удобной земли [3, с. 52].

Особенностью казачьего землепользования в Оренбуржье был отвод наделов отдельным поселкам, а не целым станицам, поселковое общество распоряжалось наделом на правах станичного общества (исключение составляла станица Сакмарская, входившая до 1869 г.

в состав Уральского казачьего войска и получившая надел на все станичное общество). По хозяйственному назначению земельный надел состоял из трех частей – пашня, покос и выгон, переделы осуществлялись «смотря по местным условиям». Сравнительно частые переделы были характерны для 1-го и отчасти 2-го отделов войска, где ощущался дефицит плодородной земли. Пахотным клином пользовались от 3 до 6 лет, в залежи, используемой под покос и выпас, земля оставалась от 6 до 12 лет. Несколько иной порядок раздела при той же залежной системе существовал в центральной и восточной части территории войска, где земли было достаточно. Там определялась лишь часть дачи, где разрешалось пахать в данном году и назначалось количество десятин на пай. Каждый самостоятельно выбирал себе участок, уплачивая в пользу общества подесятинный сбор за землю, распаханную сверх нормы (в 1-м отделе это считалось «перепашкой» и наказывалось штрафом) [23, с. 11]. Для сравнения: на Дону вплоть до начала XX в. переделы внутри станиц производились через 3 года, а между округами, станицами и хуторами каждые 19 лет.

В практике казачьих хозяйств преобладала краткосрочная аренда паевой земли – формально она разрешалась на срок до 1 года [21, с. 41], фактически – ограничивалась сроками общинного передела. По данным Л.И. Футорянского, на рубеже XIX–XX вв. арендовали землю 30 % казачьих хозяйств и 25,9 % – сдавали ее в аренду (что выше общероссийского показателя сдачи в аренду наделных земель – 13,8 % дворов) [4, с. 66–67]. Лица невойскового сословия, получившие после 1868 г. право проживания и приобретения усадебной недвижимости на территории войска («иногородние»), платили за пользование землей под строениями ежегодную посаженную плату в войсковые и станичные капиталы, сельскохозяйственными угодьями они могли пользоваться только на правах аренды.

Использование земель войскового запаса находилось в ведении Войскового хозяйственного правления, их назначение определялось необходимостью обеспечивать дополнительными наделами «прибылые души» в случае снижения размера душевого надела на треть по сравнению с установленным (т. е. ниже 20 десятин), пополнять поступлениями от аренды по «оброчным статьям» войсковые капиталы, а также общественные хлебозапасные магазины.

Отдача земель войскового запаса в аренду («в оброчное содержание») регулировалась с 1857 г., когда был издан «Устав о благоустройстве в казачьих станицах». В станичных правлениях появился единообразный регламентирующий документ «Порядок торгов на сдачу станичных оброчных статей», который предусматривал обсуждение проекта на станичном сборе, заблаговременное извещение заинтересованных лиц через станичные правления и уездные полицейские управления, получение расписок, речательств и залогов, торг в станичном правлении с возможностью «переторжки» через 3 дня, доведение окончательной цены до станичного общества и утверждение ее полным станичным сбором [24, л. 77]. С 1896 г. в войске замещались 2, а затем 3 должности смотрителей войсковых оброчных статей.

Богатые минералами и рудами недра земель Оренбургского казачьего войска были привлекательны для горного и приискового дела. Самостоятельных горных разработок казачье войско не вело (хотя намерения время от времени возникали, известны и единичные случаи частного казачьего предпринимательства), предпочитая получать плату с арендаторов за право использования земельных площадей и установленное в 1835 г. ежегодное пособие от казны, сохранявшей за собой право распоряжаться богатствами недр, прежде всего открытыми в этот период на Южном Урале месторождениями золота. Казаки, полагавшие, что «войсковые земли в отношении производства на них золотого про-

мысла должны считаться не казенными, а частными», были недовольны сохранявшимися на уровне 1847 г. размерами вознаграждения за отвод земли под прииски [25, л. 312]. Правительство запретило включать золотые прииски и месторождения в состав офицерских участков, имевших перспективу превратиться в частные владения. Конфликтных ситуаций стало больше после 1852 г., когда на территории войска была разрешена предпринимательская разработка других, не являвшихся благородными, металлов. На землях станичного юрта сопротивление казаков горным разработкам и приискам принимало формы «беспорядков и противозаконных действий» [26, л. 1,3,6]. Само же войско с 1873 по 1910 г. безуспешно отстаивало свои земельные права в отношении месторождения горы Магнитной [27, л. 9 об.].

В 1904–1907 гг. были определены и предельные сроки аренды войсковых запасных земель: полевые – до 12 лет; под огороды, каменоломни, рыбные ловли и пчеловодство – до 24 лет; под заводы, фабрики, паровые мельницы – до 99 лет [2, с. 121]; под горные промыслы – до 36 лет. Поверхность земли считалась «принадлежащей войску или обществу, по принадлежности», правообладатели получали арендную плату за пользование поверхностью и добычу полезных ископаемых, компенсацию за порчу угодий и вырубку леса по установленной таксе, составляемой на каждые три года. Высочайше утвержденным 16 декабря 1905 г. Положением Военного Совета станичным, а в Оренбургском войске и поселковым обществам предоставлялось право «бесплатного пользования путем поверхностных разработок всеми горными породами, залегающими в недрах или на поверхности станичных наделов, за исключением всякого рода руд и металлов, самоцветных ценных камней, янтаря, графита, каменного угля, антрацита и нефти». По разрешению Войскового хозяйственного правления свои казачья община могла сдавать в аренду и получать вознаграждение за участки земли,

отходящие под горные промыслы, на срок до 36 лет. «Временные правила на сдачу в аренду земель для занятия горным промыслом в Кубанском, Терском, Оренбургском казачьих войсках», утвержденные в 1907 г. и действовавшие с 1908 г., предусматривали выделение поселку равноценного земельного отвода из войскового запаса, а при невозможности – денежное вознаграждение [21, с. 99, 104–107].

Одним из источников пополнения войскового бюджета были и лесные ресурсы. В 1840-е гг. в Оренбургском казачьем войске начала складываться определенная система лесоустройства, лесосбережения и лесоразведения – по образцу Донского войска, а также методом собственных проб и ошибок, поощряя такую работу как в 25 войсковых борах, объединенных в 8 лесничеств, так и частное лесоразведение станичными жителями с правом владения лесным участком «как своею собственностью, доколе существуют древесные насаждения». Существенным условием было то, что в «потомственную собственность без земли» передавался лишь собственноручно посаженный и тщательно оберегаемый от порубок и пожаров лесной участок [28, л. 395–396]. Лесопильное производство и деревообрабатывающие промыслы большого развития не получили, их организация требовала средств и специалистов, войсковое начальство делало ставку на продажу леса и прав временного пользования лесными угодьями.

Создание хлебозапасных магазинов по образцу крестьянских селений для поддержки населения ссудами в зоне рискованного земледелия опиралось на Положение Комитета Министров от 16 февраля 1835 г. «О введении общественной запашки полей на Оренбургской линии и на всех землях, занимаемых тамошним казачьим войском» [29], инициатором издания которого считался оренбургский военный губернатор генерал-адъютант В.А. Перовский, обративший внимание на подобный опыт в селениях удельных крестьян по рекомендации своего брата Л.А. Перовского, зани-

мавшего пост товарища министра двора и уделов. Для пополнения общественных запасов до уровня 15 пудов 20 фунтов на душу каждый казак от 17 до 60 лет обязывался ежегодно засеивать и убирать на общественном поле 1 пуд озимого или ярового хлеба, полевые работы проводились по ежегодному наряду, допускалось отбывать повинность наймом [30, л. 49–50.]. Запашка во время сильного неурожая 1839 г. себя не оправдала и была прекращена, но после повторяющейся засухи была возобновлена в 1892 г., ежегодно засеивалось от 4 тыс. до 8 тыс. дес. Однако принудительные «общественные работы» в совокупности с другими повинностями не приносили желаемого эффекта, в засушливые годы войско не могло обойтись без правительственной помощи [31].

Экспериментальной площадкой для выработки положения о регулировании земельного обеспечения войсковых офицеров и чиновников стало Донское казачье войско, где с 1858 г. офицеры и чиновники получали земельные участки в срочное пользование вне станичного надела. Расширение прав собственности казачьих офицеров зафиксировало «Положение об обеспечении офицеров и классных чиновников Донского, Кубанского и Терского казачьих войск» от 23 апреля 1870 г. [27, л. 1]. Оно легло в основу проекта аналогичного «Положения» для Оренбургского войска, однако обсуждение и принятие последнего затянулось на пять лет. В Оренбургском казачьем войске офицеры могли иметь усиленное паевое довольствие в пределах станичного юрта (2 казачьих пая для обер-офицеров и 4 казачьих пая для штаб-офицеров) или получали участки в пожизненное пользование (1 600 дес. для генералов, 400 дес. для штаб-офицеров, 200 дес. для обер-офицеров). Отвод пожизненного участка под пашню не лишал офицеров и чиновников права пользования станичными паявыми сенокосами и лугами в размере от 1 до 3 казачьих паев. Право на пользование пожизненным участком сохранялось за вдовами и детьми. В особых случаях на местах до-

пускалось приобретение пожизненного участка в собственность с правом распоряжения, при этом за офицером или чиновником сохранялось право на получение нового пожизненного участка [1, с. 251, 252]. «Положение об обеспечении земель генералов, офицеров и чиновников Оренбургского казачьего войска» от 18 января 1875 г. установило размер земельного обеспечения в зависимости от условий чинопроизводства и места расположения участка и закрепило офицерские и чиновничьи пожизненные участки в «полную и потомственную собственность» с обложением ежегодной подесятинной пошлиной в состав вспомогательного войскового капитала иди единовременным взносом суммы, процент от которой соответствовал бы сумме ежегодного подесятинного платежа [27, л. 41,42 об.].

В сравнении с Донским, Кубанским, Терским и Астраханским казачьими войсками в Оренбуржье фактический размер потомственного офицерского участка оказался больше в среднем в 2 раза [1, с. 270]. На этом настояло оренбургское войсковое начальство, принявшее в начале 1870-х гг. сравнительное исследование качества земли и ее доходности как по отделам войска, так и в сопоставлении с другими казачьими войсками. Специально созданная комиссия из войсковых чиновников во главе с советником Войскового хозяйственного правления П.И. Авдеевым в 1874 г. пришла к выводу о сравнительной «малоценности» оренбургской земли: на Дону казачий участок в 200 десятин приносил в среднем 199 руб. годового дохода, в Оренбургском войске участок в 400 десятин давал только 59–80 руб., годовая пошлина с десятины потомственного офицерского участка оказывалась относительно более тяжелым бременем, чем на Дону [27, л. 12 об., 19, 27]. Уже в 1876 г. в 1-м отделе Оренбургского казачьего войска вводилась сравнительная оценка 8 категорий пашенных земель. После издания закона о таксации земель от 9 июля 1877 г. Военный совет подготовил в

1878 г. Положение, по которому была проведена классификация земель Оренбургского казачьего войска на основе сравнительной оценки их качества. В 1880 г. устанавливалось 6 категорий для восточной части 1-го и южной части 2-го отделов с интервалом наделения от 18 до 34¹/₂ десятин на душу [32, с. 49], в 1882 г. – 8 категорий для 3-го отдела. Здесь предполагалось отводить на мужскую душу от 22 до 29 дес. залежей вместо нормального пахотного надела земли среднего достоинства. Особые правила применялись относительно включения в наделы неудобных земель и замены ими недостаточных по норме десятин удобной земли [33, с. 184]. В 1889 г. размеры паевого надела во всех отделах Оренбургского казачьего войска были уменьшены на 15 %. Если в 1882 г. средний душевой надел всей земли в Оренбургском казачьем войске составлял 32,2 десятин, то в 1899 г. – 24,4 десятин [1, с. 274, 275].

В начале XX в. на казачий двор в Оренбургском крае все еще приходилось в среднем 67,9 десятин земли – в 2 раза больше, чем на крестьянский двор, однако тенденция к уменьшению среднедушевого надела усиливалась, период оренбургского земельного изобилия близился к концу. Как констатировал С.А. Девяткин, «привольный край, не знавший цену земле, постепенно под давлением колонизации принял в земельном вопросе обычную для центральных губерний окраску с ее прелестью казачьего крепостного уклада» [2, с. 118]. Уже в конце 1880-х гг. были разрешены внутривойсковые переселения для станиц 1-го отдела, в 1895–1897 гг. для усиления Уссурийского казачьего войска и охраны Сибирской железной дороги организовано переселение на Дальний Восток с наделением земель по душевой норме 30 дес. За 3 года из станиц 1-го и 2-го отделов, где казаки недополучали от 15 до 59 % положенного по закону полного надела, выехало 150 семейств (1247 чел.) [34, с. 151]. Принимаемые меры лишь частично ослабляли нарастающую остроту земельного вопро-

са. Хотя возможности экстенсивного развития для войсковой экономики еще имелись, развитие рыночных отношений требовало интенсификации производства в рамках индивидуального хозяйства.

Индивидуализация землевладения в ходе осуществления столыпинских реформ обсуждалась и в отношении землевладения казаков. В 1910 г., при обсуждении сметы Военного министерства, Государственная дума предложила выяснить возможность выдела из общины и перехода казаков на отруба с правом распоряжения наделом непосредственно в казачьих станицах. Подготовленное в 1910 г. заключение оренбургской войсковой агрономической службы рекомендовало переход от общинного к подворно-наследственному землевладению: «Община казаков, – говорилось в нем, – при современном земельном наделе не является уже самодовлеющей силою и не представляет надежного источника обеспечения исправного отбывания казаками воинской повинности, не дает казакам использовать все преимущества культурного земледелия». При сравнительно высоком земельном обеспечении казак не в состоянии был самостоятельно снарядиться на службу (что было одним из обязательных условий казачьей службы), получал государственное пособие на покупку строевой лошади, нуждался в продовольственных и семенных ссудах. Рост же производительности казачьей земли, по мнению агрономов, был немыслим при их залежном трехпольном землепользовании и периодических отсюда переделах для равномерного разверстания общинной земли» [35]. Противники такой позиции считали «единоличные хутора и заимки казаков в общественных дачах противными духу казачьего равноправия» и выступали за сохранение целостности единого казачьего земельного фонда и традиционного общинно-надельного землепользования «за службу» у казаков, не имевших «привычки земельной собственности». Допустимым признавалось лишь расселение больших поселков на малые, в том числе хутора, и

увеличение сроков передела. В отношении Оренбургского казачьего войска правительство 6 апреля 1906 г. еще раз подтвердило его земельные права, пожаловав грамоту «на укрепление в вечное владение войска предоставленных ему земель в бесспорных их границах с сохранением лишь ограничений в пользовании недрами земель». В 1913 г., когда в Оренбургской губернии началось применение закона от 14 июня 1910 г., положения о выделении из общины на вненадельные земли коснулись только «сельских обывателей, однодворцев разных наименований, бывших войсковых обывателей, башкир-вотчинников» [36].

Обратим в этой связи внимание на сделанное Е.И. Дулимовым сравнение основ «классического казачьего единства» донского образца (односословность и общее равноправное войсковое владение землей как основной принцип исторического донского казачьего устройства) и «иных оснований образования» созданного государством Оренбургского казачьего войска, где, по определению Е.И. Дулимова, уже «три равноправных минисословия» с разными правилами земельного обеспечения стремились реализовать свои права на войсковой территории [37, с. 88].

В условиях сокращения земельных запасов, распространения временного краткосрочного землепользования, истощения земли и низкой агротехнической культуры долговременная рыночная конкурентоспособность казачьего хозяйства, обязанного ориентироваться и на потребности служебной деятельности, вызывала большие сомнения. Активное проникновение рыночных отношений в казачью среду на рубеже XIX–XX вв. ломало традиционный уклад жизни и обостряло все проблемы казачьего хозяйства. Главной из них оказалось даже не малоземелье (земельный запас в войске еще имелся), а нехватка у населения денежных средств для производства хозяйственных оборотов. Проблема совместимости традиционной казачьей общины, которая «размывалась» притоком невойскового населения, с рыночными

структурами обозначилась именно как проблема выживания мелкого хозяйства в условиях рыночной конкуренции.

Это хозяйство, находясь в зоне рискованного земледелия и обслуживающее специфические сословные повинности, могло иметь шанс при поддержке государства или в составе объединения. Такую ориентацию на рубеже XIX–XX вв. имела материальная и организационная помощь со стороны правительственных и войсковых структур, а также развитие казачьей кооперации в переработке сельскохозяйственной продукции и кредитовании. Войсковое хозяйственное правление при помощи государственных субсидий и целевых ссуд проводило целый комплекс мероприятий – от создания агрономической службы и специального сельскохозяйственного оборотного капитала для снабжения казаков земледельческой техникой на льготных условиях до организации опытно-показательных хозяйств и бесплатных сельскохозяйственных курсов для пропаганды агротехнических знаний.

Заключение. Особенности хозяйственного уклада казаков традиционно были обусловлены характером их службы и местом в структуре Российского государства. В основе военно-земледельческого уклада жизни казачества лежало самообеспечение на основе предоставленных войску как корпорации земельных ресурсов.

Начальные формы казачьего землеустройства и землепользования были обусловлены как большим земельным простором, так и слабостью правового регулирования земельных отношений, а иногда и его полным отсутствием, например в степных районах, долгое время остававшихся на положении «дикого поля». Вольное «заимочное» землепользование «маложалованных» и «безжалованных» оренбургских казаков периода строительства пограничной линии с минимальным регулированием (в виде стимулирования войсковым начальством хлебопашества и расширения посевов) сохранялось и в первые де-

сятилетия XIX в. Начавшаяся в этот период регламентация размера казачьего душевого надела в Оренбургском казачьем войске стала возможной с закреплением за ним в 1840 г. «в вечное пользование» сплошной территории в составе Оренбургской губернии.

Конкретный режим землепользования на территории Оренбургского казачьего войска определялся различием в статусе земельного участка и землепользователя, изменялся по мере выработки новых правоустанавливающих документов, отражающих изменение как политики власти по отношению к сословию в целом, так и в части административно-территориального устройства Оренбургского края. Право казачьей общины на землю было обусловлено обязанностью казака служить в течение 20 лет, содержать себя, семью, войсковую организацию в целом, покупать служебное снаряжение. Станичный юрт наделялся землей из расчета 30 десятин удобной земли (пашни и луга) на каждую мужскую душу войскового сословия с 17-летнего возраста, в том числе на офицеров и чиновников, а также по 300 десятин на каждую имевшуюся в станице церковь. Офицерские и чиновничьи пожизненные участки после закрепления их в «вечное потомственное владение» по величине превышали казачий надел как минимум в 5 раз, составляя в зависимости от чина до 150 до 3 000 десятин.

Особое значение землеустроительная политика приобрела в период буржуазных реформ середины XIX в. в связи с ростом населения на войсковой территории, изменением его сословного состава, сокращением земельного простора, а также потребностей государства в выполнении казаками военных функций. Последнее обстоятельство связано было с утратой Оренбургской пограничной линией своего бывшего военного значения после присоединения Туркестана. Однако правительство не намерено было терять сословие, способное «беззаветно и рыцарски нести государеву службу», сфера применения контингента казачьих

войск выходила за рамки пограничной службы.

Со второй половины XIX в. государственное финансирование войсковых нужд устойчиво сокращалось, усиливалась ориентация на самообеспечение и использование местных источников дохода, главными из которых являлись земельные и лесные ресурсы. В 1860–1870-е гг. были закреплены душевой уравнильный порядок землепользования рядовых казаков и особые земельные права войскового офицерского корпуса, проведена классификация земель Оренбургского казачьего войска на основе сравнительной оценки их качества.

К концу XIX в. на войсковой территории общинное надельное землевладение рядовых казаков сочеталось с земельными отводами войсковым офицерам и чиновникам с правом распоряжения вплоть до отчуждения, а также с землепользованием на правах аренды для лиц невойскового сословия, поселенных на войсковой территории, в соседних с ней «малоземельных» районах или занимающихся в ее пределах предпринимательской деятельностью. Стабилизация военно-политической обстановки в крае, рост численности войскового населения стимулировали хозяйственную деятельность. Если в XVIII в. казачество было одним из крупнейших потребителей ввозимого в Оренбуржье хлеба и не играло сколько-нибудь заметной роли в экономической жизни региона, то в XIX в. происходит ориентация войска на

собственное сельскохозяйственное производство и даже вывоз излишков в горнозаводскую зону Урала, в соседние губернии. Результаты деятельности оренбургского казачества есть в общих итогах хозяйственного освоения края к началу XX в., демонстрировавших рост площади вовлеченных в хозяйственный оборот земель, увеличение доли пахотных земель с 6 до 33,5 % и исчезновение в 1902 г. такой земельной категории, как степь, еще в 1859 г. составлявшей 34 %.

Недостаточно четко определенный статус казачьей земли, его вариативность, складывавшаяся как на практике, так и в законодательном оформлении, не только становились причиной земельных конфликтов, но и препятствовали эффективному использованию земельных ресурсов. Совмещение обязанностей государственной службы с самообеспечением делало казачьи войска относительно дешевыми, но малоэффективными в хозяйственном отношении. Для Оренбургского казачьего войска эти проблемы усугублялись неблагоприятными для земледелия природно-климатическими факторами. Особенности системы землепользования и прохождения службы мало способствовали повышению агротехнической культуры, товарности производства и в целом конкурентоспособности казачьего хозяйства, а индивидуализация землевладения в ходе осуществления столыпинских реформ не была распространена на казачество.

Список источников

1. Чернощекоев Н.А. Землеустройство Оренбургского казачьего войска // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 11, ч. 4. Землеустройство казачьих войск. Исторический очерк. СПб., 1911. С. 228–284.
2. Девяткин С.А. Землепользование // Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии / под ред. Л.Л. Ловырева. Оренбург: Оренполиграфпром, 1927. 267 с.; Девяткин С.А. Землепользование Оренбургской губернии. Оренбург: Гос. типография ГСНХ, 1927. 186 с.
3. Селивановская Л.А. Социальная дифференциация оренбургского казачества в конце XIX – начале XX вв. // Ученые записки Оренбургского государственного педагогического института. Серия историко-филологических наук. Вып. 13. Оренбург, 1958. С. 41–89.

4. Футорянский Л.И. Землевладение и землепользование в Оренбургском казачьем войске в конце XIX – начале XX вв. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период): межвузовский сборник. Уфа, 1988. С. 61–67.
5. Годовова Е.В. Основные направления экономического развития Оренбургского казачества (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России». 2020. Т. 19. № 3. С. 563–577.
6. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карт. Оренбург, 1891. 352 с.
7. Ерофеев Б.В. Земельное право России / отв. ред. Н.И. Краснов. М.: Юрайт-Издат, 2004. 656 с.
8. Казак. 1911. 6 октября.
9. Машин М.Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976, 192 с.
10. Отчет войскового агронома по объезду земель Оренбургского казачьего войска летом 1902 г. Оренбург, 1903. 46 с.
11. Зуев А.С. Складывание корпоративного землевладения у русских казаков Забайкалья во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Екатеринбург: УрО РАН, 1993. С. 80–87.
12. Шевченко С.В. Развитие земледелия среди казаков Западной Сибири в первой четверти XIX в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Екатеринбург: УрО РАН, 1993. С. 97–101.
13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. 15. Отд. 2. № 14041.
14. Кобзов В.С. Новая линия // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1. История. 1992. № 1. С. 12–26.
15. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 9. Отд. 1. № 6957.
16. Акманов А.И., Зайтунов Р.Б., Даутов А.А. Этапы межевания земель в Башкортостане в XIX – начале XX в.: законодательство и практика // Проблемы востоковедения. 2019. № 3. С. 21–25.
17. Казак. 1911. 1, 7 окт.
18. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 10. Оренбург: Типо-Литография Б.А. Бреслина, 1910. 472 с.
19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 414. Оп. 1. Д. 355. Л. 2–10.
20. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1877 г. Т. 13. Ч. 1. СПб.: Глав. упр. иррегулярных войск, 1877. 365 с.
21. Петров Ф.В. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц: сборник действующих по 1 августа 1911 г. узаконений о поземельном устройстве казачьих станиц и проживающих в казачьих поселениях лиц невойскового сословия, с разъяснением текста закона Правительствующим Сенатом и Военным Советом. СПб.: Санкт-Петербургская губернская типография, 1911. 168 с.
22. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1892 г. Т. 28. СПб.: Глав. упр. иррегулярных войск, 1893. 560 с.
23. Краткий обзор сельскохозяйственной промышленности в Оренбургской губернии. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1902. 60 с.
24. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 69. Л. 77.

25. Объединенный Государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 2. Л. 312.
26. ОГАОО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 18. Л. 1, 3, 6.
27. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1853. Л. 1, 9 об., 12 об., 19, 27, 41–42 об.
28. ОГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 248. Л. 395–396.
29. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 10. Отд. 1. № 7870.
30. ОГАЧО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 69. Л. 49–50.
31. Абрамовский А.П., Махрова Т.К. Общественная запашка земли в Оренбургском казачьем войске // Итоги и задачи регионального краеведения: мат-лы Всерос. конф. по историческому краеведению, состоявшейся в Кургане 6–7 мая 1997 г. Ч. 1. Курган, 1997. С. 90–94.
32. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1880 г. Т. 16. Ч. 1. СПб.: Глав. упр. казачьих войск, 1880. 209 с.
33. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1882 г. Т. 18. Ч. 1. СПб.: Глав. упр. иррегулярных войск, 1882. 253 с.
34. Исковский А.Е. Оренбургские казаки на страже дальневосточных рубежей Российской империи // Народы Южного Урала на страже Родины : материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. К.А. Моргунов. Оренбург: ОГАУ, 2012. С. 147–155.
35. Фадеев К. По вопросу об изменении землепользования в Оренбургском казачьем войске // Казак. 1911. 28 окт.; 1 нояб.
36. Голос Приуралья. 1913. 5 янв.
37. Дулимов Е.И. Государство и казачество: проблемы взаимодействия. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2003. 334 с.

References

1. Chernoshchekov N.A. Zemleustroistvo Orenburgskogo kazach'ego voiska // Stoletie Voennogo ministerstva. 1802–1902. Т. 11, ch. 4. Zemleustroistvo kazach'ikh voisk. Istoricheskii ocherk. SPb., 1911. S. 228–284.
2. Devyatkin S.A. Zemlepol'zovanie // Sel'skokhozyaistvennye raiony i zemel'nye normy Orenburgskoi gubernii / pod red. L.L. Lovyрева. Orenburg: Orenpoligrafprom, 1927. 267 s.; Devyatkin S.A. Zemlepol'zovanie Orenburgskoi gubernii. Orenburg: Gos. tipografiya GSNKH, 1927. 186 s.
3. Selivanovskaya L.A. Sotsial'naya differentsiatsiya orenburgskogo kazachestva v kontse XIX – nachale XX vv. // Uchenye zapiski Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Seriya istoriko-filologicheskikh nauk. Vyp. 13. Orenburg, 1958. S. 41–89.
4. Futoryanskii L.I. Zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Orenburgskom kazach'em voiske v kontse XIX – nachale XX vv. // Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie i klassovaya bor'ba na Yuzhnom Urale i v Srednem Povolzh'e (dorevolutsionnyi period): mezhvuzovskii sbornik. Ufa, 1988. S. 61–67.
5. Godovova E.V. Osnovnye napravleniya ehkonomicheskogo razvitiya Orenburgskogo kazachestva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) // Vestnik Rossiiskogo uni-versiteta druzhby narodov. Ser. «Istoriya RossiI». 2020. Т. 19. № 3. S. 563–577.
6. Starikov F.M. Istoriko-statisticheskii ocherk Orenburgskogo kazach'ego voiska s prilozheniem stat'i o domashnem byte orenburgskikh kazakov, risunkov so znamen i kart. Orenburg, 1891. 352 s.
7. Erofeev B.V. Zemel'noe pravo Rossii / отв. ред. N.I. Krasnov. М.: Yurait-Izdat, 2004. 656 s.
8. Kazak. 1911. 6 oktyabrya.

9. Mashin M.D. Iz istorii rodnogo kraia. Orenburgskoe kazach'e voisko. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1976, 192 s.
10. Otchet voiskovogo agronoma po ob"ezdu zemel' Orenburgskogo kazach'ego voiska letom 1902 g. Orenburg, 1903. 46 s.
11. Zuev A.S. Skladyvanie korporativnogo zemlevladieniya u russkikh kazakov Zabaikal'ya vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX vv. // Kazaki Urala i Sibiri v XVII–XX vv.: sb. nauch. tr. Ekaterinburg: URO RAN, 1993. S. 80–87.
12. Shevchenko S.V. Razvitie zemledeliya sredi kazakov Zapadnoi Sibiri v pervoi chetverti XIX v. // Kazaki Urala i Sibiri v XVII–XX vv.: sb. nauch. tr. Ekaterinburg: URO RAN, 1993. S. 97–101.
13. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZ RI). Sobr. 2. T. 15. Otd. 2. № 14041.
14. Kobzov V.S. Novaya liniya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Istoriya. 1992. № 1. S. 12–26.
15. PSZ RI. Sobr. 2. T. 9. Otd. 1. № 6957.
16. Akmanov A.I., Zaitunov R.B., Dautov A.A. Ehtapy mezhevaniya zemel' v Bashkortostane v XIX – nachale XX v.: zakonodatel'stvo i praktika // Problemy vosto-kovedeniya. 2019. № 3. S. 21–25.
17. Kazak. 1911. 1, 7 okt.
18. Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'ego voiska. Vyp. 10. Orenburg: Tipo-Litografiya B.A. Breslina, 1910. 472 s.
19. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA). F. 414. Op. 1. D. 355. L. 2–10.
20. Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazhenii po kazach'im voiskam za 1877 g. T. 13. CH. 1. SPb.: Glav. upr. irregulyarnykh voisk, 1877. 365 s.
21. Petrov F.V. Zakony o pozemel'nom ustroistve kazach'ikh stanits: sbornik de-istvuyushchikh po 1 avgusta 1911 g. uzakonenii o pozemel'nom ustroistve kazach'ikh stanits i prozhivayushchikh v kazach'ikh poseleniyakh lits nevoiskovogo sosloviya, s raz'yasneniem teksta zakona Pravitel'stvuyushchim Senatом i Voennym Sovetom. SPb.: Sankt-Peterburgskaya gubernskaya tipografiya, 1911. 168 s.
22. Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazhenii po kazach'im voiskam za 1892 g. T. 28. SPb.: Glav. upr. irregulyarnykh voisk, 1893. 560 s.
23. Kratkii obzor sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti v Orenburgskoi gubernii. Orenburg: Tipo-litografiya gubernskogo pravleniya, 1902. 60 s.
24. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO). F. 30. Op. 1. D. 69. L. 77.
25. Ob"edinennyi Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (OGA OO). F. 37. Op. 1. D. 2. L. 312.
26. OGA OO. F. 37. Op. 1. D. 18. L. 1, 3, 6.
27. RGVIA. F. 330. Op. 61. D. 1853. L. 1, 9 ob., 12 ob., 19, 27, 41–42 ob.
28. OGA OO. F. 37. Op. 3. D. 248. L. 395–396.
29. PSZ RI. Sobr. 2. T. 10. Otd. 1. № 7870.
30. OGACHO. F. I-30. Op. 1. D. 69. L. 49–50.
31. Abramovskii A.P., Makhrova T.K. Obshchestvennaya zapashka zemli v Orenburgskom kazach'em voiske // Itogi i zadachi regional'nogo kraevedeniya: mat-ly Vseros. konf. po istoricheskomu kraevedeniyu, sostoyavsheisya v Kurgane 6–7 maya 1997 g. CH. 1. Kurgan, 1997. S. 90–94.
32. Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazhenii po kazach'im voiskam za 1880 g. T. 16. CH. 1. SPb.: Glav. upr. kazach'ikh voisk, 1880. 209 s.
33. Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazhenii po kazach'im voiskam za 1882 g. T. 18. CH. 1. SPb.: Glav. upr. irregulyarnykh voisk, 1882. 253 s.

- 34. Iskovskii A.E. Orenburgskie kazaki na strazhe dal'nevostochnykh rubezhei Rossiiskoi imperii // Narody Yuzhnogo Urala na strazhe Rodiny : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / otv. red. K.A. Morgunov. Orenburg: OGAU, 2012. S. 147–155.
- 35. Fadeev K. Po voprosu ob izmenenii zemlepol'zovaniya v Orenburgskom kazach'em voiske // Kazak. 1911. 28 okt.; 1 noyab.
- 36. Golos Priural'ya. 1913. 5 yanv.
- 37. Dulimov E.I. Gosudarstvo i kazachestvo: problemy vzaimodeistviya. Rostov n/D.: Izd-vo Rost. un-ta, 2003. 334 s.

Статья принята к публикации 22.08.2025/
The article has been accepted for publication 22.08.2025.

Информация об авторе:

Татьяна Кимовна Махрова, профессор кафедры «Теория государства и права, трудовое право», доктор исторических наук, доцент

Information about the authors:

Tatiana Kimovna Makhrova, Professor at the Department of Theory of State and Law, Labor Law, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

